

Глобальный водный кризис и новые возможности России: от Целей устойчивого развития до экспорта воды и продовольствия

Научный руководитель – Медокс Татьяна Алексеевна

Казаров Р.Т.¹, Кирякина В.О.²

1 - , E-mail: rubenkazarov12@gmail.com; 2 - , E-mail: kiryakina.nika@yandex.ru

К 2026 г. концепция «водного банкротства» (ООН) стала реальностью: ежегодные потери пресной воды — 324 млрд м³, дефицит затронул 40% населения [1]. Проблема охватывает мегаполисы Индии и Мексики, обмеление трансграничных водоёмов, включая Каспий [3]. Воду называют «новой нефтью» — стратегическим ресурсом. Россия, занимая 2-е место по запасам пресной воды, претендует на роль водного донора [2]. Однако сама сталкивается с дефицитом в низовьях Волги, Дона, на Кубани и в Крыму, а обмеление Каспия угрожает югу России [3]. Исследование направлено на анализ этого противоречия и поиск оптимальной стратегии.

Цель — определение эффективных стратегий использования водного потенциала России по трём направлениям: экспорт продовольствия («виртуальная вода»), трансфер технологий, водная дипломатия.

Задачи:

1. Систематизировать данные о масштабах дефицита воды [1].
2. Выявить структурные ограничения водного комплекса России (территориальная диспропорция, износ инфраструктуры, обмеление Каспия) по данным Росводресурсов и ВЦИОМ [2, 3].
3. Провести сравнительный анализ эффективности трёх моделей: прямой экспорт воды, экспорт «виртуальной воды», экспорт технологий.
4. Оценить риски и возможности «водной дипломатии» России (на примере Центральной Азии).

Актуальность — переход проблемы воды в плоскость экономических и военно-политических рисков. Обмеление Каспия придаёт проблеме трансграничное измерение [3].

Научная новизна — преодоление упрощённого взгляда на Россию как «водную сверхдержаву». Рассматривается дилемма: управление внутренним дефицитом и формирование экспортной стратегии. Вводятся данные Росводресурсов за 2025 г. и опросы ВЦИОМ [2, 3].

Методология — качественный и количественный анализ открытых источников: синтез данных ООН, Минприроды, Росводресурсов [1, 2]; расчёт экономики «экспорта воды» на основе экспертных оценок деловых СМИ и материалов Финуниверситета [4]; анализ рисков конфликтов в Центральной Азии и результативности федеральных проектов («Вода России», нацпроект «Экология») по данным Правительства РФ [2].

Мир вступил в эру хронического водного стресса. Ключевой тренд — осознание воды как актива с отсроченной рентабельностью.

Россия обладает 1/5 мировых запасов, но 80% ресурсов — в азиатской части, тогда как население и промышленность — в европейской [2]. Климатические изменения привели к дефициту в низовьях Волги, Дона, на Кубани. Отдельный вызов — обмеление Каспия, усугубляющее проблемы в Астраханской области и Дагестане [3]. Меры Росводресурсов позволили избежать катастрофы, но высветили уязвимость инфраструктуры. Вывод: прежде чем стать экспортёром, Россия должна гарантировать водообеспечение южных регионов [2].

Эксперты указывают на низкую маржинальность прямого экспорта воды (около \$5/т) [4]. Политические риски высоки. Однако есть стратегические ниши: техническая вода для Центральной Азии через коридор «Север — Юг» может стабилизировать регион; бутилированная вода (Байкал) — высокомаржинальный, но объёмно незначительный сектор. Прямой экспорт воды — инструмент геополитики, а не источник бюджета.

Наиболее эффективный способ капитализации — АПК. Производство 1 т пшеницы требует 1000–1500 м³ воды. Экспорт зерна в 55+ млн т (сезон 2025/26) означает неявный экспорт около 80 км³ воды. Это даёт высокую добавленную стоимость, снижает нагрузку на водные запасы стран-импортёров (способствуя ЦУР 6 [1]), формирует долгосрочную зависимость.

Второе направление — экспорт технологий водосбережения (ИИ для орошения, опреснительные установки). Это соответствует мировому тренду повышения эффективности полива [1]. Россия может занять нишу на рынке водохозяйственных технологий (\$15–20 млрд), особенно в странах БРИКС+.

Выводы:

1. Глобальный водный кризис носит структурный характер, формируя спрос на водоёмкую продукцию [1].
2. Россия сталкивается с внутренним водodefицитом (включая обмеление Каспия), что требует инвестиций в инфраструктуру [2, 3].
3. Прямой экспорт воды низкомаржинален и политически рискован [4].
4. Наиболее эффективная стратегия — экспорт «виртуальной воды» через сельхозпродукцию и экспорт технологий.
5. «Водная дипломатия» должна включать гарантированные поставки продовольствия, трансфер технологий и ограниченные прямые поставки для снятия конфликтного потенциала.

Вода становится критическим ресурсом развития, Россия — его крупнейшим держателем. Путь к стратегической выгоде — через интеграцию водного фактора в агропромышленную и технологическую политику. Синтез продовольственного экспорта, технологий и дипломатии позволит России к 2030–2050 гг. занять место гаранта глобальной водной безопасности.

Источники и литература

- 1) ЦУР 6 // Официальный сайт ООН — <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/water-and-sanitation/>
- 2) Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы). Итоги реализации национального проекта «Экология» и нового федерального проекта «Вода России» // Официальный сайт Росводресурсов. 2026. https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudartvennyye_doklady/o_sostoyanii_i_ispolzovanii_vodnykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/; <https://voda.gov.ru/presstsenter/news/federalnye/560990/>
- 3) ВЦИОМ. Аналитический обзор «Экологическая ситуация в России: восприятие и реальность» (спецвыпуск, посвящённый водным ресурсам). — М.: ВЦИОМ, сентябрь 2025; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/utekaet-kak-voda-ili-chto-my-znaem-o-vodnykh-resursakh>
- 4) Арефьев П. Экспертная оценка для РБК: «Россия может стать экспортёром воды, но выгоды будут минимальны» // РБК. 25.03.2024; Финансовый университет при Правительстве РФ. <https://www.rbc.ru/economics/25/03/2024/65f668959a7947ac78adf4b9>